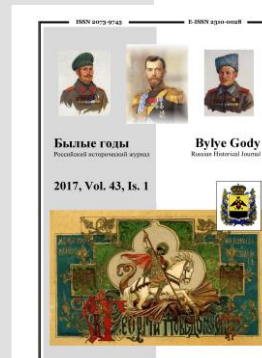

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 86-93, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.86
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Mikhail D. Severyanov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article discusses the history of the Siberian grassroots and their professional composition as Siberian government participation may reflect the processes taking place in Russian Imperia. The aim of this article is to look at the long-term evolution of Siberian employees' participation in the province's administration in Yenisei province from 1822 to the 1917. The data on the officials in grassroots governance came from archival research, involving 447 clerks' biographies from Eastern Siberia. The documents were stored in the Russian State Historical Archive (St Petersburg, Russia) and the State Archive of Krasnoyarsk Region (Krasnoyarsk, Siberia, Russia). It was an important source of empirical data on the work of the Siberian grassroots governance that was not available elsewhere. Social composition, education, working experience and criminal record were considered to identify a group of officials prevailing in local and regional government structures. In conclusion, we found that, in the first, dominance of Siberian clerks with primary education, quite an insignificant number of clerks with secondary and higher education confirm the idea that involving state employees in governance participation was complicated by their educational level. Secondly, clerks low socio-economic stratum constituted the majority in the governance grassroots in the Eastern Siberia. In this region nobles were represented in much smaller numbers. Third, Service work experience from 2 to 5 years allowed working more professionally. Consequently, frames of the Russian Imperia in Siberia began to form more experienced employees during 1822–1917. However, 1–2 years was the average term of office. Fourthly, at the time the proportion of Siberian clerks with criminal record composed 7–8 per cent as figures was in the Central regions of the Russian Imperia.

Keywords: clerks, grassroots, state employees, local government officials, government participation, Yenisei Province, Siberia, Russian Imperia.

1. Введение

Изучение кадрового состава местного звена управления Сибирью в период Российской империи имеет важную роль для современной отечественной исторической науки, поскольку позволяет установить профессиональный облик того слоя лиц, в руках которого находилась реальная полнота власти над окраинным регионом и его населением. В статье предпринята попытка разобраться с тем, что представляли собой чиновники-«письмоводители», находившиеся на административных должностях низших рангов Енисейской губернии, на примере которой можно проследить особенности кадровой политики в управлении Сибирью.

Параметрами для анализа послужили профессионально важные критерии чиновников как государственных служащих, а именно уровень образования, опыт службы в должности, ведомстве и в Сибири, «бытность под судом и следствием».

Хронологические рамки исследования определены дореволюционным периодом существования Енисейской губернии (1822–1917 гг.), расположенной в центре Восточной Сибири и

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

включавшей в себя пять округов (уездов): Красноярский, Ачинский, Минусинский, Канский, Енисейский.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой работы явился массив формулярных (послужных) списков. Коллекции основных и дополнительных списков должностных лиц Енисейской губернии за 1823, 1831, 1842, 1851, 1853 гг. были подняты из Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) – фонд № 1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства». В качестве материалов по второй половине XIX – началу XX в. использованы групповые и индивидуальные формулярные списки чиновников за 1883, 1893, 1905, 1915 гг. из Государственного архива Красноярского края (ГАКК, г. Красноярск) – фонды № 595 «Енисейское губернское управление», № 141 «Енисейский губернский суд», № 161 «Енисейская казенная палата», № 613 «Енисейский губернский прокурор», № 32 «Тюремное ведомство», № 156 «Енисейское губернское акцизное управление», № 401 «Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии». Все подсчеты по качественному и количественному составу обер-офицерских чиновников проведены на основе анализа комплекса формулярных списков из восьми фондов РГИА и ГАКК, что подтверждает репрезентативность сделанных в статье выводов. Всего были выявлены и рассмотрены формулярные списки 447 чиновников, что составило 71,9 % от полного их кадрового состава по штатным расписаниям (622 чел.) за 1821, 1831, 1842, 1851, 1865, 1853, 1883, 1893, 1905, 1915 гг. Для сравнения сибирских чиновников с государственными служащими, занимавшими аналогичные посты в центральных губерниях Российской империи, были использованы статистические данные по провинциальному чиновничеству из работ Т.А. Поскачей (вторая четверть XIX в., на материалах Рязанской губернии) и Ю.Н. Токмаковой (вторая половина XIX – начало XX в., на примере Курской губернии).

2.2. Согласно заложенной в отечественной и зарубежной историографии традиции, анализ чиновничества был проведен с учетом разрядов занимаемых ими должностей: I–V классы – высшие чиновники, VI–VIII классы – штаб-офицерские, IX–XIV классы – обер-офицерские (Зайончковский, 1978: 65; Троицкий, 1974: 34; Pintner, 1970; Raeff, 1979). В данном исследовании нас интересовала группа чиновников-«письмоводителей», занимавших низшие в общей служебной иерархии должности обер-офицерского ранга IX–XIV классов. В Енисейской губернии, как в губерниях и областях Сибири и всей Российской империи, это были столоначальники, делопроизводители, протоколисты, архивариусы, секретари, бухгалтеры, регистраторы, журналисты, и, соответственно, их помощники.

Исследования проводились с использованием принципов историзма, объективности, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения. Идеино-методологическое осмысление динамики полученных результатов базировалось на теории модернизации, согласно которой изменение социальных и профессиональных характеристик служащих понималось как противопоставление традиционного – современному, прошлого – настоящему, как переход по исторической линии «доиндустриальное – индустриальное (модерновое)» общество. С помощью сравнительно-исторического метода были произведены необходимые сравнения общих и особенных черт в социальном составе российского и сибирского чиновничества. Использованный универсальный метод историзма позволил воспроизвести динамику профессиональных характеристик чиновничества.

3. Обсуждение

При общей недостаточной изученности провинциального аппарата управления в Сибири, как в отечественной, так и зарубежной историографии, можно с уверенностью говорить о большой популярности данной темы у российских и иностранных исследователей (Дегтярев, 2013; Bloch, 2005; Gentes, 2003; Graber, 2015; Pintner, 1970; Raeff, 1979). Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири в середине XIX в. проанализирован с позиции формальных и неформальных критериев классификации чиновничества (Матханова, 2002; Матханова, 2016). Выделены основные направления правительственной политики по формированию бюрократического аппарата в Сибири (Дамешек, 2016; Gentes, 2003). В свою очередь, история чиновничества Енисейской губернии представлена периодическими изданиями и работами публицистического характера: очерки о деятельности губернаторов и других высших лиц местной власти (Бердников, 1995); статьи о структуре и численности енисейской губернской администрации (Верхотурова, 2010; Карчаева, 2016). Попыток комплексного рассмотрения кадрового состава низших чиновников в Сибири, в частности в Енисейской губернии, до сих пор не предпринималось.

4. Результаты

4.1. Уровень образования

По законодательству Российской империи в XIX – начале XX в. уровень образования являлся одним из трех условий, наравне с возрастом и сословным происхождением, определявшим доступ на государственную службу и возможность продвижения по ней. В губерниях Центральной России без

аттестата об образовании с 1809 до 1832 г. запрещалось получать чины до статского советника включительно (I – V классов), с 1832 г. – поступать на гражданскую службу. Только в конце XIX – начале XX в. вместо основного сословного принципа был установлен образовательный, открывавший доступ на гражданскую службу всем сословиям (с 1889 г. – по департаменту железнодорожных дел; с 1894 г. – по ведомству Министерства финансов; с 1904 г. – в отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности, главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, по Министерству путей сообщения, с 1906 г. – по всем ведомствам) (*Свод законов...*, 1896: 2, 7, 8, 138; *Зайончковский*, 197: 53).

В Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода, в отличие от губерний Центральной России, право к поступлению на гражданскую службу имели все сословия и независимо от уровня знаний (без аттестата об образовании претенденты просто проходили испытание на умение читать, считать и писать) (*Свод законов...*, 1857: 1267). Данное правило объяснялось особенностями комплектования административных кадров в Сибири до 1917 г., суть которых заключалась в том, что в пределах Восточной Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством. Однако можно предположить, что даже в Сибири государство стремилось не допустить в высшие эшелоны власти лиц из податных сословий. Как показал анализ архивных материалов по Енисейской губернии, на высшие посты (например, губернатора, вице-губернатора, председателей казенной палаты, губернского суда и пр.) и должности среднего звена штаб-офицерского ранга (например, советников губернатора, начальников отделений, губернского прокурора, губернского архитектора и пр.) приглашались чиновники преимущественно дворянского происхождения из Центральной России и имевшие при этом аттестат об образовании (*Карчаева*, 2016: 136). В свою очередь, динамика изменения образовательного уровня чиновников, занимавших обер-офицерские должности, отражена в приведенной ниже таблице (*Таблица 1*).

Таблица 1. Образовательный уровень чиновников обер-офицерских должностей енисейской губернской администрации

Уровень образования	Годы											
	1823		1851		1865		1893		1905		1915	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высшее	2	6,7	4	6,25	5	7,9	6	10,7	7	12,5	8	12,5
Среднее	–	–	14	21,9	16	25,4	21	37,5	22	39,3	26	40,6
Начальное	1	3,3	17	26,6	35	55,6	23	41,1	22	39,3	24	37,5
Частное	1	3,3	4	6,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Домашнее	22	84,6	25	39,1	7	11,1	6	10,7	7	12	6	4,7
<i>Итого</i>	26	100	64	100	63	100	56	100	58	100	64	9,4

Таблица составлена авторами по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108; Оп. 4. 1831 г. Д. 102; Оп. 6. 1831 г. Д. 829; Оп. 6. 1833 г. Д. 849; Оп. 4. 1842 г. Д. 404; Оп. 4. 1845 г. Д. 479. Ч.1; Оп. 5. 1850 г. Д. 892. Ч. 1; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916; Оп. 5. 1853 г. Д. 2282. Ч. 1; Оп. 5. 1853. 2281. Ч. 2; ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86, 110, 158, 177, 1470 – 782; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, Д. 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 114, 261, 290, 341; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 3 – 53, 56, 58 – 106, 108 – 117, 120 – 127, 130, 133, 135 – 163, 168, 174, 179, 186 – 201 а, 204, 211 – 218, 222 – 243, 248, 252, 274, 281, 293, 325, 326, 472, 474, 486, 489; Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14, 27, 34, 73, 80 – 83, 94, 99, 165, 169, 200, 202, 227, 232, 257, 274 – 316.

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что корпус чиновников, занимавших по служебной иерархии низшие должности, формировался из служащих, которые до середины XIX в. обучались преимущественно в домашних условиях (т. е. при поступлении на службу они не предоставляли аттестат об образовании), во второй половине XIX в. – в основном уже имели аттестат приходских и уездных училищ (начальный уровень образования), в начале XX в. – губернских гимназий и духовных семинарий (средний уровень образования).

В исследованиях одного из авторов данной статьи доказано, что чиновники на обер-офицерских должностях, имевшие домашнее и начальное образование, были представлены сибиряками (1823 г. – 50 %, 1865 г. – 73,1 %, 1915 г. – 93,7 %), а именно выходцами из Енисейской, Иркутской губерний, что категорически отличалось от территориального происхождения высших и штаб-офицерских служащих. Так, доля сибиряков среди высших чиновников енисейской губернской администрации в 1822–1917 гг. составляла всего 16,4 %. Количество сибиряков среди среднего звена енисейской губернской администрации хотя и неуклонно росло (в 1823 г. – 15,8 %, 1865 г. – 52 %,

1915 г. – 61,7 %), но было меньше, чем среди низших чиновников. Интересно, что стабильными поставщиками «назначенцев» (от письмоводителя до губернатора) являлись столичные губернии, а также Украинские и Северо-Западные земли (Карчаева, 2016: 137).

Для сравнения с Центральной Россией, например, в Рязанской губернии также повсеместно наблюдался недостаток квалифицированных кадров (Поскачей, 2005: 82–85). В период с начала XIX в. по 1860-х гг. происходило повышение уровня образования государственных служащих, например, в Курской губернии, на территории которой доля чиновников со средним образованием увеличилась от 5,7 до 20 % (семинарии, гимназии, училища), с высшим – от 4 до 10 %, соответственно, с начальным образованием – от 12,3 до 49 %, а количество служащих с домашним образованием сократилось от 74 до 17 % (Токмакова, 2009: 67, 70).

4.2. Опыт службы в Сибири, ведомстве и должности

Анализ территориального происхождения низших чиновников показал, что до середины XIX в. кадры обер-офицерских должностей в Енисейской губернии формировались наполовину как из приезжих, так и местных чиновников (преобладали уроженцы г. Красноярска и Красноярского округа). Со второй половины XIX в. главным поставщиком служащих на низшие в служебной иерархии должности стала Сибирь: 1842 г. – 69,7 %, 1865 г. – 73,1 %, 1893 г. – 85,7 %, 1915 г. – 93,7 % (табл. 2).

Таблица 2. Территориальная принадлежность последнего места службы (места жительства) чиновников обер-офицерских должностей

Год	Губернии				Центральная Россия		Сибирь				Енисейская губерния		Итого
	Прибалтийские		Украинские				Западная		Восточная				
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.		
1823	3	11,5	2	7,7	8	30,8	6	23,1	4	15,4	3	11,5	26
1831	2	7,1	2	7,1	9	32,2	4	14,3	8	28,6	3	10,7	28
1842	3	5,4	5	8,8	9	16,1	8	14,3	22	39,3	9	16,1	56
1851	5	7,8	4	6,3	9	14,1	7	10,1	21	32,8	18	28,1	64
1865	4	6,4	5	7,9	8	12,7	6	9,5	20	31,8	20	31,8	63
1882	2	3,6	2	3,6	4	7,3	2	3,6	14	25,5	31	56,4	55
1893	2	3,6	3	5,4	3	5,4	3	5,4	11	19,6	34	60,7	56
1905	–	–	–	–	3	5,2	2	3,5	12	20,7	41	70,6	58
1915	–	–	–	–	4	6,3	3	4,7	13	20,3	44	68,7	64

Таблица составлена авторами по данным РГИА, ГАКК (см. табл. 1)

Среднестатистический чиновник в Енисейской губернии до назначения на обер-офицерскую должность, например, бухгалтера, столоначальника, регистратора, протоколиста или их помощника, имел опыт на государственной службе (военной и гражданской) в среднем 8 лет (табл. 3).

Таблица 3. Служебный стаж обер-офицерских чиновников

Год	Количество чиновников, чел., имевших стаж службы, лет							Итого
	до 5	6–10	11–15	16–20	21–30	31–40	41–50	
1823	4	14	6	–	2	–	–	26
1831	3	11	4	4	5	1	–	28
1842	3	18	15	10	9	–	1 (62 года)	56
1851	2	4	18	17	15	8	–	64
1865	9	5	7	20	11	9	2	63
1882	2	14	11	4	10	11	3	55
1893	3	13	12	8	11	7	2	56
1905	7	15	13	12	7	4	–	58
1915	9	19	15	14	4	2	1	64

Таблица составлена авторами по данным РГИА, ГАКК (см. табл. 1)

Опыт государственной службы у чиновников, занимавших низшие по служебной иерархии должности, был в 2 раза меньше, чем у их непосредственных начальников – чиновников на штаб-

офицерских должностях (18 лет), и, разумеется, меньше, чем у высших администраторов (губернаторы – от 23 до 44 лет, председатели казенной палаты, губернского правления, губернского суда и пр. – от 12 до 52 лет (Верхотурова, 2010: 48).

Определенной системы в формировании кадрового аппарата младшего звена чиновников, скорее всего, не было, поэтому срок пребывания в должности составлял в среднем 1 год, опыт службы в одном ведомстве – 3 года. С полной уверенностью можно утверждать, что в первой половине XIX в., а затем в начале XX в. корпус обер-офицерских должностей в Енисейской губернии формировался за счет молодых чиновников, имевших непродолжительный служебный стаж, что в первом случае объяснялось общим недостатком претендентов на занятия вакантных мест, во втором – привлечением на младшие должности лиц без значительного опыта, но с образованием. Так, анализ групповых формулярных списков показал, что количество лиц, поступивших на обер-офицерские должности в возрасте до 30 лет в 1823 г. было 61,5 %, в 1865 г. – 12,7 %, в 1905 г. – 31 %, 1915 г. – 32,8 % (Верхотурова, 2010: 49). При этом ведомственные и должностные перемещения младшего звена губернского чиновничества происходили без учета служебной специализации и ведомственной принадлежности, что свидетельствовало о низкой профессиональной квалификации чиновников. Особенно были частыми случаи перевода служащих низших должностей (из енисейского губернского суда, губернского правления и пр.) на разноплановые низшие должности в новые учреждения по Министерству финансов (губернское казначейство, контрольная палата, губернное акцизное управление), открывшиеся в Сибири во второй половине XIX в. в связи с усложнением хозяйственно-экономической жизни в регионе.

Среди государственных служащих енисейской губернской администрации, занимавших должности протоколистов, регистраторов, секретарей, столоначальников и пр., знаками отличия беспорочной службы (в основном ордена Св. Станислава III ст. и Св. Анны III ст.) были награждены всего 6 % чиновников, только 27 из 447 чел., что было несравнимо меньше, чем 100 % награжденных среди высших чиновников, 68 % – штаб-офицерских. Несмотря на уровень образования, частые перемещения и отсутствие наград у чиновников, занимавших низшие в служебной иерархии должности, их служебная пригодность в первой половине XIX в. соответствовала 100 % (со второй половины XIX в. данная графа была убрана из формулярного списка). О каждом из них было написано: «К прохождению службы годен... и к повышению достоин...» Однако анализ перемещений по службе показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода количество чиновников, поднявшихся по служебной иерархии на высшие штаб-офицерские должности стабильно равнялся 20 %, что свидетельствовало о консервативности государства в кадровой политике.

4.3. «Бытность под судом и следствием»

На протяжении почти векового рассматриваемого периода (1822–1917 гг.) среди 311 чиновников, согласно имеющимся сведениям, выявлено только 24 служащих (8 %), совершивших правонарушения преступного характера, за которые следовала по решению суда юридическая ответственность в виде ареста, денежного штрафа, вычитаемого из жалования, официального выговора и пр. Состав незаконных деяний был представлен в четырех случаях злоупотреблением властью, в трех – «служебными упущениями», в девяти – драками, в восьми – хулиганством.

Анализ формулярных списков показал, что неформальным, но распространенным наказанием среди низших чиновников в Енисейской губернии являлось увольнение провинившихся с занимаемых должностей по собственному прошению, что иногда сопровождалось отсылкой из Сибири назад в европейскую часть России, если они были приезжими.

Среднестатистическим примером тому могут служить биографические сведения о двух чиновниках Енисейской губернии: канцелярском слуге (т. е. без классного чина) Александре Филипповиче Полчанинове, происходившем из семьи красноярского дьяка, и коллежском ассессоре Егоре Семеновиче Бурдине, происходившем из семьи штаб-офицера и приехавшем в Сибирь из Киевской губернии, а потому имевшем классный чин. Согласно формулярному списку, 25-летний Полчанинов с должности столоначальника 2-го стола хозяйственного отделения енисейской казенной палаты был уволен по собственному прошению в 1851 г. Предположительно, поводом послужил предшествовавший тому случай на свадьбе у его коллеги, состоявшего тогда в чине коллежского регистратора, 32-летнего Бурдина, служившего в канцелярии енисейской казенной палаты. Состав преступления, совершенного Полчаниновым, заключался в «непримерном поведении» в церкви во время бракосочетания Бурдина, за что Полчанинов судом был приговорен к 7 сут. ареста в тюрьме. Кроме того, Бурдин также был переведен из г. Красноярска в ачинский городской суд в качестве письмоводителя, хотя в соответствии с классным чином коллежского регистратора, полученного им в качестве служебной привилегии за перевод на службу в Сибирь из Киевской губернии, мог бы рассчитывать на более высокую должность. В г. Красноярск Бурдин со своей семьей переедет повторно только в 1860 г. в связи с назначением на должность столоначальника по земскому столу енисейского общего губернского управления по неоднократному своему прошению. Интересно, что служебная карьера 57-летнего коллежского ассессора Бурдина оборвется в 1876 г. в связи с «попаданием его под суд за утрату дел мещанина Юдовича». Официального наказания как такового не последует, но он покинет должность делопроизводителя

канцелярии енисейской казенной палаты «с отбытием в Киевскую губернию», положенной пенсии при этом назначено ему не будет (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 156. Л. 122 об.–125; Д. 446. Л. 31–53 об; Ф. 595. Оп. 45. Д. 85. Л. 68–72).

В губерниях Центральной России официальный процент правонарушений был примерно таким же, например, 9 % в Рязанской губернии во второй четверти XIX в. (Поскачей, 2005: 84).

Таким образом, несмотря на сложности комплектования в Сибири кадрового состава низших по служебной иерархии служащих, обер-офицерское чиновничество на примере «письмоводителей» Енисейской губернии можно охарактеризовать как профессионально пригодное. Согласно формулярным спискам, для данной категории служащих были свойственны следующие характеристики: во-первых, адекватный времени уровень образования, который повышался от домашнего к начальному, затем к среднему; во-вторых, наличие существенного опыта работы в государственных учреждениях, в том числе и в Сибири, как и сибирское происхождение большинства служащих; в-третьих, отсутствие вопиющих случаев правонарушений. Отличало чиновников енисейской губернской администрации, находившихся на обер-офицерских должностях, от их коллег в губерниях Центральной России только более низкое сословно-социальное происхождение и наличие в их составе приезжих из других территорий. Следует заметить, что обер-офицерские должности енисейской губернской администрации не выполняли функцию резерва кадров, так как существовали самостоятельно и их кадровый состав имел наименьшее число отличий по представленным критериям от соответствовавших им по статусу чиновников в губерниях Центральной России.

Литература

Бердников, 1995 – Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.

Верхотурова, 2010 – Верхотурова Т.Г. Социальный состав енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2010. № 2 (10). С. 48–53.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, 2016 – Дамешек Л.М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи: от Петра I до Александра I // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2016. Т. 15. С. 6–14.

Дегтярев, 2013 – Дегтярев С.И. Проблема социального происхождения чиновников в политике Романовых (XVIII – первая половина XIX вв.) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2013. № 30 (4). С. 27–35.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, 1978. 288 с.

Карчаева, 2016 – Карчаева Т.Г. Социокультурный портрет чиновников Енисейской губернии (1822–1917 гг.) // *Гуманитарные науки и образование*. 2016. № 1 (25). С. 135–139.

Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.

Матханова, 2016 – Матханова Н.П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 58–75.

Поскачей, 2005 – Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в первой половине XIX вв. // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина*. 2005. № 6. С. 82–85.

РГИА – Российский государственный архив.

Свод законов ... , 1857 – Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. С.-Петербург, 1857.

Свод законов ... , 1896 – Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. С.-Петербург, 1896.

Токмакова, 2009 – Токмакова Ю.Н. "От чистописания к юриспруденции"; проблема образовательного уровня провинциальных чиновников центральной России в первой половине XIX в. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2009. № 37. С. 65–71.

Троицкий, 1974 – Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. Москва, 1974. 368 с.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the Kollektiv: Gender, Power, and Residential Schools in Central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. Vol. 20 (4). pp. 534–569.

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious Girls' and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the late 16th to the early 19th Centuries // *Sibirica*. 2003. Vol. 3 (1). pp. 3–20.

Graber, Murray, 2015 – Graber K.E., Murray J.D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74 (1). pp. 127–152.

Pintner, 1970 – Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. № 3. pp. 429–443.

Raeff, 1979 – Raeff M. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *American Historical Review*. 1979. № 84. pp. 399–411.

References:

Berdnikov, 1995 – *Berdnikov L.P.* (1995). Vsyā krasnoyarskaya vlast: ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916): faktyi, sobyitiya, lyudi [All of the Krasnoyarsk power structure: the historical sketches of the local administration and self-government (1822–1916): the facts, events, people]. Krasnoyarsk. 320 p. [in Russian].

Verhoturova, 2010 – *Verhoturova T.G.* (2010). Socialnyy sostav eniseyskoy gubernskoy administratsii (1822–1917 gg.) [Social Composition of the Yenisei Province Administration in 1822–1917]. *Humanities Research in the Russian Far East*, № 2 (10), pp. 48–53 [in Russian].

GAKK – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of the Krasnoyarsk Region].

Dameshek, 2016 – *Dameshek L.M.* (2016). Gubernatorskaya vlast v menyayushchemsya prostranstve imperii: ot Petra I do Aleksandra I [Power of the Governors in the Changing Space of the Empire: from Peter I to Alexander I]. *The Bulletin of Irkutsk State University, series «History»*, vol. 15, pp. 6–14 [in Russian].

Degtyarev, 2013 – *Degtyarev S.I.* (2013). Problema sotsialnogo proishozhdeniya chinovnikov v politike Romanovykh (HVIII – pervaya polovina XIX veka) [The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century)]. *Bylye Gody. Russian Historical Journal*, № 30 (4), pp. 27–35 [in Russian].

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v. [The Government Staff of Russia in the XIX Century]. Moscow. 288 p. [in Russian].

Karchaeva, 2016 – *Karchaeva T.G.* (2016). Sotsiokulturnyy portret chinovnikov Eniseyskoy gubernii (1822–1917 gg.) [The Cultural Image and the Social Staff of Enisey Province's Officials from 1822 until 1917]. *The Humanities and Education. Scientific and methodological journal*, № 1 (25), pp. 135–39 [in Russian].

Mathanova, 2002 – *Mathanova N.P.* (2002). Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsialnoy stratifikatsii [Governor-Generals of Eastern Siberia from the middle of the XIX c.]. Novosibirsk. 250 p. [in Russian].

Mathanova, 2002 – *Mathanova N.P.* (2016). Vlast i chinovniki v memuarah sibirskogo kupechestva XIX v. [Authorities and State Officials as Portrayed in the 19th Century Memoirs of Siberian Merchants]. *Siberian Historical Research*, № 2, pp. 58–75 [in Russian].

Poskachej, 2005 – *Poskachej T.A.* (2005). Sotsial'naya kharakteristika ryazanskogo chinovnichestva v pervoy polovine XIX vv. [Social Characteristics of the Ryazan Officials in the First Half of the XIX Century]. *Science and research at Ryazan State Pedagogical University named after S.A. Yessenin*, № 6, pp. 82–85 [in Russian].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State history archive].

Svod zakonov..., 1857 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Sankt-Peterburg, 1857 [in Russian].

Svod zakonov..., 1996 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Sankt-Peterburg, 1896 [in Russian].

Tokmakova, 2009 – *Tokmakova Y.N.* (2009). "Ot chistopisaniya k yurisprudentsii": problema obrazovatel'nogo urovnya provintsial'nykh chinovnikov Tsentral'noj Rossii v pervoy polovine XIX v. ["From calligraphy to jurisprudence": on the problem of the educational level of provincial officials in Central Russia in the first half of XIX century]. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, № 37, pp. 65–71 [in Russian].

Troitskiy, 1974 – *Troitskiy S.M.* (1974). Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovanie byurokratii [The Russian absolutism and nobility in XVIII century. Formation of Bureaucracy]. Moscow, 368 p. [in Russian]

Bloch, 2005 – *Bloch A.* (2005). Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia. *Cultural Anthropology*, Vol. 20 (4), pp. 534–569.

Gentes, 2003 – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.

Graber, Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.

Pintner, 1970 – *Pintner W.M.* (1970). The social characteristics of the early nineteenth-century Russian bureaucracy. *Slavic Review*, № 3, pp. 429–443.

Raeff, 1979 – *Raeff M.* (1979). The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905. *American Historical Review*, № 84, pp. 399–411.

УДК 908

Кто они – «письмоводители» в Сибири? Профессиональная характеристика местных чиновников Российской Империи в XIX – начале XX вв.Татьяна Геннадьевна Карчаева^{а, *}, Денис Николаевич Гергилев^а, Михаил Дмитриевич Северьянов^а^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен деловой облик чиновников Енисейской губернии Восточной Сибири, занимавших низшие по служебной иерархии должности в местных органах власти в 1822–1917 гг. Научная актуальность исследования обусловлена пониманием необходимости изучения кадрового состава служащих, равных по статусу "письмоводителю", но от профессионализма которых, зачастую, зависело правильное функционирование системы государственного управления окраинным регионом и его населением. На основе детального анализа массива архивного материала, впервые введенного в научный оборот, сделан вывод о профессиональной пригодности протоколистов, столоначальников, делопроизводителей, регистраторов и пр., что подтвердило теорию включенности Сибири в общероссийское пространство государственного управления в XIX–XX вв. Результаты сравнения полученных статистических показателей с опубликованными данными о провинциальных чиновниках Центральной России свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода профессиональные характеристики служащих в отдаленной восточной окраине соответствовали общероссийским. Так, во-первых, выявлен рост уровня образования местных низших чиновников от преобладавшего домашнего к среднему при доминировавшем начальном (приходские школы, уездные училища); во-вторых, стабильно низким оставался срок службы в должности и ведомстве (при беспорядочной ротации кадров); в-третьих, количественный и качественный состав правонарушений, скорее всего, официально скрывался, но в процентном соотношении не превышал общероссийских 7–8 %. К региональным социально-профессиональным характеристикам (особенностям) сибирских низших чиновников можно отнести их податное сословно-социальное происхождение; наличие в кадровом составе большого количества приезжих из других территорий Российской империи; отсутствие у чиновников сибирского происхождения существенных карьерных перспектив продвижения по службе.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, местное управление, губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)